

А. А. Леонтьева (Москва)

КНИГИ
В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ В БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ
МУСУЛЬМАН И ХРИСТИАН СОФИИ В XVIII В.*

Инстанцией, решавшей любые правовые конфликты в Османской империи, являлись шариатские суды под руководством кади — судьи. Полномочия османских кадиев по сравнению с другими мусульманскими странами во многом выходили за рамки классической компетенции этого института — они имели широкий круг обязанностей в области светского права и гражданской администрации, что делало кадийский суд одним из основных органов проведения политики султана в провинциях. Неким аналогом кади в христианских общинах был приходской священник, являвшийся главой общины и представителем ее интересов перед лицом местных властей. Как и в случае кади, в его обязанности входило заверение завещаний, торговых сделок и договоров. Таким образом, священники оказывались для христиан той судебной инстанцией, которая могла сводить к минимуму вмешательство османских властей во внутренние дела и в повседневную жизнь христианских общин. Вопросы семейного, договорного и наследственного права он решал без вмешательства османской администрации на основе положений канонического церковного и традиционного обычного права (Макарова 2005: 27–29). В то же время изучение документов, в частности протоколов по таким, на первый взгляд, внутрисемейным делам, как распределение наследств, показывает, что христиане нередко предпочитали обращаться именно в кадийский суд.

* Исследование подготовлено в рамках гранта РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUSCall 2018 (проект #472–LED-SW).

Документы о распределении наследств, зафиксированные в сиджиллах¹ османских кадийских судов, представляют собой многогранный и не до конца изученный источник, содержащий широкий круг сведений о жизни горожан своего времени. Структура наследственных документов подчинена четким правилам. Открывает каждый протокол официальное вступление, в котором помещается общая информация относительно рассматриваемого дела — приводится имя усопшего (иногда с указанием рода занятий), городской квартал, в котором он проживал, перечисляются наследники. Основная часть документа представляет собой подробную опись наследуемого движимого и недвижимого имущества с оценкой каждого предмета — начиная с дома и заканчивая мельчайшими бытовыми предметами. После подсчета общей стоимости наследуемого имущества в документе фиксируются обязательные вычеты (выплата долгов умершего), а завершающим пунктом становится распределение итоговой суммы между наследниками, производимая согласно наследственным нормам шариатского права. Анализ состава имущественных описей позволяет сделать ряд выводов, в частности, о системе ценностей людей того времени, сопоставить бытовую культуру христиан и мусульман, живущих в одном городе. В качестве источника для данного исследования была использована публикация 100 наследственных протоколов, подготовленная болгарскими специалистами и изданная в Болгарии в 1977 г. (ТИБИ 1977: 23–223). Источник охватывает период между 1731 и 1831 гг.

Одним из важнейших показателей уровня развития культуры и, в частности, грамотности населения является степень распространенности книг. Все упомянутые в описях книги, как у мусульман, так и у христиан, принадлежат мужчинам. Ни в одном из протоколов, посвященных наследству женщин (всего их в этом издании источника 15), книги не упоминаются. Это позволяет говорить о распространении грамотности преимущественно среди мужчин. В наследственных описях книги упоминаются нечасто и в большинстве случаев встречаются у мусульман, — как правило, речь идет о Коране.

В начале исследуемого периода упоминания Корана встречаются в основном в описях имущества состоятельных людей, наследства которых в разы превосходят наследства других горожан (ТИБИ 1977: 48–50,

¹ *Сиджилл* (سجل) лат. *sigillum*, греч. *στυλλιον* — грамота, печать. Протокольные книги — дневники входящих и исходящих документов кадийских судов в XV–XIX вв., в которых фиксировались решения данного кадийского суда.

56–62). В ряде случаев речь идет о Коране в драгоценном окладе (ТИБИ: 184–191), что позволяет рассматривать эти издания в том числе как материальные ценности и элементы престижа. При этом материальное благополучие вовсе не подразумевало обязательную ученость — далеко не во всех протоколах богатых людей присутствуют книги (ТИБИ 1977: 51–56).

Со временем число людей, в наследственном протоколе которых присутствует Коран, растет, и после 1800 г. упоминание Корана и священных книг мусульман в наследственных протоколах встречается заметно чаще. К этому времени издания стали более доступными (на что указывает их более низкая стоимость) и, вероятно, перестали восприниматься как предмет роскоши. Круг собственников, имеющих возможность и желание приобрести книги, расширился — в основном за счет зажиточных ремесленников и торговцев. В наследственных протоколах малоимущих людей книги по-прежнему не упоминаются.

В наследствах представителей других религий книги фигурируют значительно реже. Если в описях имущества мусульман Коран и священные книги почти всегда открывали перечень имущества и ставились на первое место, то в списках имущества немусульман такого значения им не придавалось — в описях они перечисляются среди сугубо бытовых предметов. Определение «священные» относительно этих книг также практически не встречается. Мы можем лишь предполагать, что в первую очередь речь идет о богослужебных книгах. Очевидно, такая оценка продиктована позицией мусульманского кадийского суда, не считающего возможным признавать «священными» книги других конфессий.

«Еврейская книга» упомянута только в одном протоколе — о наследстве трактирщика еврея Авраама в 1762 г. (ТИБИ: 94–95). Как и в протоколах мусульман, здесь книга стоит на первом месте и открывает список вещей. Необходимо отметить вместе с тем, что и протоколов о наследстве евреев в данной выборке сравнительно немного.

У христиан можно было бы предполагать наличие книг в наследстве священников в силу того, что они были заведомо более образованны. Но богослужебные книги, как и церковная утварь, не принадлежали лично священнику, а являлись собственностью прихода, и, таким образом, их отсутствие в перечне личных вещей священнослужителей вполне объяснимо. Наследства священников в описях XVIII в. встречаются четырежды, однако только в двух случаях в перечнях упомина-

ты книги (ТИБИ: 28–29; 119–120). Если в первом (1731 г.) случае речь идет только об одной книге, упомянутой наравне с принадлежностями священнослужителя, то во втором (1790 г.) мы можем говорить о целом книжном собрании (22 книги), общая стоимость которого составила 17,5 курушей. Для наглядного сравнения можно привести протокол того же 1790 г., в котором в 2 куруша была оценена одна овца (ТИБИ: 118–119). Обладатель этого собрания, священник Анастас, выглядит довольно состоятельным человеком — помимо книг в описи его имущества присутствуют золотые и серебряные украшения с драгоценными камнями.

В конце XVIII в. наблюдается появление большого числа книг в христианской среде. В 1792 г. в списке имущества галантерейщика (ТИБИ: 121–125) они фигурируют, вероятно, в качестве товара. Их число и названия не указаны, но цена сравнительно невысока. К 1798 г. относится упоминание пяти книг в описи вещей ремесленника-абаджи. Их перечисление среди товаров его производства и материалов позволяет предположить, что они также предназначались на продажу. Незначительная стоимость книг в обоих случаях и то, что продавались они в обычных городских лавках, говорит о массовом производстве книг и их большей доступности.

Помимо богослужебных книг и книг, точное назначение которых не обозначено, в источнике упомянуты два издания, ориентированных на широкий круг читателей и заведомо не богослужебных. Речь идет в первую очередь о букварях, которые присутствуют в перечне имущества Николчо (ТИБИ: 153–155). Судя по описанному имуществу, он был галантерейщиком. Буквари, в количестве 13 штук, общей стоимостью 26 пара, упомянуты в перечне его вещей рядом с деревянными гребнями (60 штук — 30 пара), хлопковыми нитками (1/2 катушки — 8 курушей) и другими галантерейными товарами, представленными в оптовых количествах. Не возникает сомнений, что буквари в данном случае предназначались на продажу. Цена за букварь в 2 пара (6 акче) являлась достаточно низкой, что говорит о доступности этого издания.

Еще одним примером массовой литературы, упомянутой в наследственных описях, является сонник, вместе с Кораном и священными книгами числившийся в наследстве брადобрея мусульманина Моллы Али в 1833 г. (ТИБИ: 219–222). Сонник оказался достаточно дешевым для своего времени — 1 куруш (во столько же в этом протоколе оценены «две пуговки» и корыто).

Появление подобных изданий и их невысокая цена говорят о распространении грамотности среди населения Софии и несомненном росте интереса к обучению. Сонник, упомянутый в протоколе о наследстве обычного горожанина-брадобрея, указывает на постепенное распространение умения читать и стремления к чтению, о его доступности для более широкого круга людей.

Анализ изменений частоты упоминаний книг, их стоимости и круга обладателей в XVIII — начале XIX в. позволяет сделать ряд выводов. На протяжении XVIII в. в имуществе горожан присутствуют прежде всего религиозные книги. В мусульманской среде это в первую очередь Коран. По сравнению с христианами для мусульман в значительно большей степени характерно восприятие книг как элемента престижа и статусной вещи. В первой половине XVIII в. круг обладателей книг ограничивается очень богатыми мусульманами, но на протяжении рассматриваемого периода он расширяется за счет богатых ремесленников и торговцев. Среди христиан в начале XVIII в. книги не были столь распространены (это можно объяснить, в частности, и тем, что среди них было не так много состоятельных людей). Тенденция к расширению круга владельцев книг, роста их количества, появление светской и учебной литературы в конце XVIII в. затронули и христиан, и мусульман — книги стали более доступными и массовыми, что свидетельствует о распространении грамотности среди горожан.

ЛИТЕРАТУРА

- Макарова 2005 — Макарова И. Ф. Болгарский народ в XV–XVIII вв. М., Ком-Книга. 2005.
- ТИБИ 1977 — Турски извори за българската история. Т. 6. София, Българската Академия на Науките. 1977. С. 23–223.